

ВЫБОР

ЛЕДИ МЭРИ

НАДЕЖДА СОКОЛОВА

Леди Мэри

Надежда Соколова

Выбор леди Мэри

«Автор»

2026

Соколова Н. И.

Выбор леди Мэри / Н. И. Соколова — «Автор», 2026 — (Леди Мэри)

Я - попаданка, с Земли в магический мир. Мне нужно скрыться от жадных родственников, стремящихся прикарманить мое имущество. Что ж, другой мир отлично подойдет для таких целей. Осталось только обустроиться в старом замке, привести его в порядок и наладить быт. Ну и постараться отбиться от тех, кто стремится заполучить мои земли, взяв меня в жены.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	8
Глава 4	10
Глава 5	12
Глава 6	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Надежда Соколова

Выбор леди Мэри

Глава 1

Неделя выдалась переменчивой: три дня лил дождь, потом небо прояснялось, и солнце ненадолго выглядывало, освещая мокрые листья и блестящие крыши. В один из таких дней, когда земля уже подсохла, но ещё не замёрзла, Мира и Улья взяли лопаты, корзины и отправились на задний двор.

Я заметила их из окна спальни. Они копали землю у старого забора — там, где почва была самой рыхлой. Мира орудовала лопатой с привычной силой, Улья собирала комья в корзины, стараясь выбирать камни. Потом они вдвоём поднялись на третий этаж — я слышала их шаги на лестнице и приглушённый разговор. Я вышла в коридор и последовала за ними.

Оранжерея встретила меня свежим воздухом. Стёкла крыши были чистыми — Ив помыла их на прошлой неделе, и теперь свет падал в помещение мягко, без мутной пелены. Желоба, когда-то засохшие и пустые, были уже наполовину заполнены новой землёй — тёмной, влажной, пахнувшей прелыми листьями.

— Мы решили, что заодно, — сказала Мира, вытирая лоб. — Пока земля не промёрзла. Набрали хорошей, с огорода, смешали с перегноем.

Улья уже разравнивала землю в желобе руками, разминая комья.

— Эста дала семена, — добавила она, кивнув на небольшой холщовый мешочек. — Говорит, приправа. Сказала, если посадить сейчас, к зиме уже зелень будет. Всё равно замок тёплый, а стёкла чистые — солнце пробивается.

Я подошла ближе, взяла мешочек. Развязала. Внутри были мелкие коричневые зёрнышки, похожие на укроп, но с лёгким пряным запахом.

— Петрушка? — предположила я.

— Она самая, — сказала Улья. — И ещё что-то Эста сказала, «базилик» называется. Она привезла семена из деревни, у одной знахарки купила.

Я улыбнулась. Вспомнила, как мама на Земле тоже выращивала зелень на подоконнике, в старых горшках. Тёплый, знакомый запах зелени зимой — это было то, чего мне не хватало.

— Мы засеём сейчас, — сказала Мира. — Если землю напитать, то всходы через неделю появятся. А через месяц уже резать можно.

— И оранжерея оживёт, — добавила Улья мечтательно.

Я посмотрела на неё — на её руки, перепачканные землёй, на лицо, чуть покрасневшее от работы. Она выглядела по-настоящему счастливой.

— Давайте помогу, — сказала я, снимая накидку и закатывая рукава.

Они не спорили. Мы втроём работали до вечера: носили землю, разравнивали, сажали семена, поливали из лейки, которую принесла Эмили. Потом пришла Ив и принесла ветки для укрытия, чтобы земля не пересыхала. К закату все желоба были засеяны. В оранжерее пахло влажной землёй и будущей зеленью.

Я стояла у окна третьего этажа, глядя на уходящий день. За стёклами проступали первые звёзды, а внизу, во дворе, уже горел фонарь, который повесил Остин. Замок готовился к ночи.

Мы спустились вниз, где Эста уже ждала нас с ужином. За столом говорили о планах на зиму, о том, как утеплить ещё одну комнату на первом этаже, о том, что Лидия начала писать свой собственный гербарий, зарисовывая травы. Я слушала их голоса, смотрела на их лица и думала, что это и есть жизнь, которую я выбирала. И каждый день, каким бы серым он ни был, приносил что-то светлое.

Глава 2

Мы поднимались в северо-западную башню по узкой винтовой лестнице. Ступени были каменными, стёртыми, и на них лежал тонкий слой пыли — даже после того как мы открыли башню и проветрили её, воздух здесь оставался старым, плотным, пахнущим пергаментом и временем. Я держалась за холодные кованые перила, Лидия ступала следом, неся свечу в руке. Её пламя колебалось от сквозняка, и тени прыгали по стенам.

Библиотечная башня была моей любимой с того дня, как мы открыли её. Книги, стеллажи, тишина, которая не давила, а успокаивала. Сегодня мы пришли прикинуть, можно ли поставить сюда кресло и столик, чтобы зимними вечерами читать здесь, вдали от суеты. Лидия уже начала рисовать в уме расстановку мебели, а я обходила стеллажи, разглядывая корешки фолиантов.

Случайность подвела меня к дальней стене, где стоял массивный книжный шкаф, придвинутый почти вплотную. Я обогнула его, чтобы проверить, не осыпалась ли кладка, и нечаянно оперлась рукой о небольшой каменный выступ — тот самый, который я принимала просто за неровность старой кладки.

Камень дрогнул.

Я отдернула руку, но было поздно: выступ медленно ушёл в стену, и с тихим, сдавленным щелчком часть стены отъехала в сторону, открывая глубокую нишу. Я замерла. Лидия обернулась на звук, подошла ближе, подняв свечу.

— Госпожа — выдохнула она.

Ниша оказалась небольшой, но глубокой. Внутри, на деревянных вешалках, рядами висели платья. Шесть, а может быть, восемь — в полумраке я не могла сосчитать. Они стояли в полной неподвижности, не колыхнувшись от движения воздуха, будто время замерло вокруг них. Ткани переливались тусклым, но живым блеском — парча, шёлк, бархат, прошитые серебряными и золотыми нитями. Внизу, на полу, аккуратными рядами стояла обувь — туфли на невысоком каблуке, расшитые бисером, кожаные сапожки с изящной отделкой, несколько пар атласных тапочек. А над платьями, на двух полках, — головные уборы: чепцы, миниатюрные кокошники, бархатные береты с перьями, шёлковые повязки.

Я протянула руку и коснулась рукава ближайшего платья — тёмно-вишнёвого бархата с золотой вышивкой. Ткань оказалась мягкой, как пух, и тёплой — или мне показалось от волнения. Под пальцами не было чувства ветхости, только плотная, живая текстура.

— В стазисе, — прошептала Лидия, дотрагиваясь до другого рукава. — Это стазис. Магия заморозила их. Сколько же лет они тут висят

— Судя по фасону, лет сто, если не больше, — ответила я, рассматривая крой.

Пышные рукава, завышенная талия, сложные драпировки, высокие воротники, закрывающие шею до подбородка. Или наоборот — глубокие декольте, которые я никогда бы не осмелилась носить.

Платья были красивыми. Бесспорно. Ткани, вышивка, цвет — всё говорило о мастерстве и богатстве. Но они казались мне не моими. Чужими. Слишком парадными, слишком старомодными, слишком неудобными. Я представила, как пытаюсь втиснуться в этот корсет или ходить по замку в длинном шлейфе, и почувствовала внутреннее сопротивление.

— Они прекрасны, — сказала я вслух, стараясь, чтобы голос звучал искренне. — Но не для меня. Я чувствую себя в них чужой.

Я повернулась к Лидии. Она стояла, замерев, и смотрела на платья с таким выражением, словно перед ней была сокровищница. Её лицо, обычно бледное и спокойное, порозовело, глаза широко раскрылись, губы чуть приоткрылись. Она не могла оторвать взгляда от тёмно-зелёного бархатного платья с серебряным поясом.

— Госпожа — прошептала она, и в голосе её слышался благоговейный трепет. — Это же работа мастера Этьена. Я видела такие только на картинах. И с каких-то платьев в музеях. Они они настоящие.

— Они твои, — сказала я.

Лидия резко повернулась ко мне.

— Что?

— Я дарю тебе всё это, — повторила я спокойно. — Платья, обувь, головные уборы. Всё, что здесь есть. Мне они не нужны, я не буду их носить. Но тебе они очень идут.

— Я не могу — начала она.

— Можешь, — перебила я. — Ты — дочь барона. Ты знаешь, как носить такие вещи. Ты умеешь себя держать. И ты заслуживаешь красивой одежды. Я не хочу, чтобы всё это пропадало в стагисе ещё сто лет. Бери.

Лидия смотрела на меня долгую минуту. Её глаза блестели — то ли от света свечи, то ли от слёз. Потом она шагнула к нише и, словно боясь спугнуть магию, осторожно коснулась зелёного бархата. Её пальцы дрожали.

— Я я даже не знаю, что сказать, — выдохнула она.

— Скажи «спасибо» и выбери, что наденешь завтра, — улыбнулась я.

Она рассмеялась — тихо, почти беззвучно, но в этом смехе было столько счастья, что я почувствовала тепло в груди. Она провела рукой по шёлку, потом по бархату, перебирая ткани, выбирая, прикидывая.

Мы провели в башне ещё час. Лидия вынимала платья, разглядывала их на свету, прикладывая к себе, кружилась перед воображаемым зеркалом. Я стояла у окна и смотрела, как она оживает, как её обычная сдержанность тает, уступая место восторгу. В каком-то смысле это был подарок для неё, но и для меня тоже. Мне было приятно видеть чужую радость.

В конце концов, она выбрала два платья — зелёное и тёмно-синее, с серебряной вышивкой, — чтобы сначала почистить их и подогнать по фигуре. Остальные остались в нише до завтра.

Когда мы вышли из башни, Лидия шла впереди, неся в руках свёрток с тканью, и улыбалась — широко, открыто, впервые за всё время, что я её знала.

— Спасибо, госпожа, — сказала она, обернувшись. — Спасибо.

— Не за что, — ответила я. — Это честный обмен. Я получаю благодарность, ты — красоту.

И я не кривила душой. Я действительно не завидовала платьям. Мне хватало моих земных, простых вещей, которые помнили дом. А Лидии нужна была эта радость как воздух.

Зимой я буду сидеть у камина в своём шерстяном платье, заваривать чай и читать книги. А она будет ходить по коридорам в бархате, и замок станет красивее от её счастья. Я улыбнулась этой мысли и пошла следом за Лидией по винтовой лестнице.

Глава 3

Наутро после первых заморозков я проснулась оттого, что в комнате было особенно тихо. Подошла к окну — стекло покрылось тонкой ледяной сеткой, а за ним двор лежал под лёгким слоем инея. Трава за ночь стала серебристой, крыша сарая блестела, будто её посыпали солью. Дыхание вырывалось белым паром.

Я оделась теплее, спустилась вниз, выпила горячего чая с мятой и села у окна в холле, глядя на утренний замёрзший двор. Жизнь в замке текла спокойно и размеренно. Оранжевая на третьем этаже уже зеленела — первые всходы петрушки и базилика пробились сквозь землю, и Эста счастливо ахала каждый раз, когда поднималась туда с лейкой. Библиотеку начали заполнять книгами из башни, и по вечерам при свете свечей там становилось тепло и уютно. Конюшня была утеплена, лошади стояли в сухости, и Остин даже повесил на двери войлочный занавес, чтобы не дуло. Лидия ходила по замку в тёмно-зелёном бархате — том самом платье из стазиса, — и я видела, как ей идёт это цвет и как она стала чаще улыбаться. Замок готовился к зиме.

И в это утро, когда иней лежал на всём, у ворот закрипели колёса.

Я вышла на крыльцо и недоуменно нахмурилась. К замку подъезжала телега. Она была старой, с натянутым поверху холстом, на котором осела утренняя влага. Лошадь — худая, но крепкая — дышала паром, остановившись у самых ворот. Купол мерцал, но не препятствовал — я чувствовала, что внутри не было угрозы, только усталость и страх.

С телеги спрыгнул мужчина. Лет сорока, широкоплечий, с обветренным лицом и руками, которые привыкли к работе. Одет бедно — стёганный кафтан, латаные сапоги. За ним спустились две женщины — одна постарше, с сединой в косе, другая помоложе, с тёмными кругами под глазами. Следом, неуверенно ступая, слезла девочка лет тринадцати — тоненькая, с большими глазами и светлыми косами, она куталась в платок, хотя от холода он уже плохо спасал.

Мужчина шагнул вперёд, снял шапку.

— Госпожа? — голос у него был хриплым, но твёрдым. — Госпожа Кратова? Нам сказали в деревне, что вы даёте кров тем, кто ищет приюта. Мы пришли проситься. До весны.

Я посмотрела на них. Усталые, замёрзшие, с одним узлом на троих. С другой стороны, их глаза смотрели прямо и честно, без наглости, без вызова. Я кивнула и распахнула ворота.

— Заезжайте. Поговорим в доме.

Жерар уже стоял у дверей, готовый помочь. Он проводил мужчину и лошадь к конюшне, Остин помогал распрягать. Я повела женщин и девочку в холл, к камину, дала им тёплого чаю и сказала Эсте принести хлеба и похлёбки.

Они ели жадно, но аккуратно, не проливая ни капли. Женщина постарше, Эльза, оказалась вдовой, младшая, Нэлла, — её невесткой, а мужчина, Маркус, — мужем Нэллы. Девочка, Ида, была дочерью Нэллы от первого брака. Они шли пешком два дня, когда телега сломалась, потом нашли другую, но денег на постоянный двор не было, и кто-то в последней деревне сказал им о замке Кратовых, где хозяйка добрая.

— Мы умеем всё, — сказал Маркус, поставив пустую кружку. — Плотничать, пахать, скотину обихаживать. Женщины прядут, шьют, готовят. Ида грамотная, училась в городе.

— Мы не хотим просто так жить, — добавила Нэлла, не поднимая глаз. — Работать готовы за кров и еду. Если останемся — до весны. А там видно будет.

Я сидела напротив них у камина и слушала. Они были настоящими — уставшими, напуганными, но не сломленными. В них чувствовалась та же жила, что и в моей Мире или Остине — людей, которые знают цену труду и не ждут подачек.

— Я принимаю вас, — сказала я. — Жить будете в комнатах прислуги, там есть свободные места. Еда — общая. Работа — по хозяйству. Весной решим, останетесь или пойдёте дальше. Но есть одно условие.

Маркус напрягся, но не отвёл взгляда.

— Какое, госпожа?

— Я хочу, чтобы вы принесли магическую клятву верности. Не мне как личности — замку. И честности. Это значит, что вы не сделаете зла ни замку, ни тем, кто в нём живёт, и не будете искать выгоды за спиной хозяйки. Если согласны — остаётесь.

Магия была частью этого мира, и отец писал о клятвах: они связывали слово сильнее бумага. Я не хотела быть тираном, но я должна была быть уверена.

Маркус переглянулся с Нэллой. Она кивнула. Эльза положила руку на плечо Иды.

— Мы согласны, госпожа, — сказал Маркус. — Чужого не возьмём, своего не упустим.

Я встала, взяла из шкафа у камина маленькую медную чашу — её отец использовал для таких случаев — и налила в неё воды из родника, который был у нас во дворе. Протянула чашу Маркусу. Он положил в неё руку, и я произнесла простые слова, которые помнила из книги:

— Клянёшь ли ты, Маркус, что будешь верен замку Кратос и его хозяйке, не навредишь стенам и людям, не украдёшь и не солжёшь, пока живёшь под этим куполом?

— Клянусь, — сказал он, и я почувствовала, как вода в чаше чуть нагрелась.

Чаша перешла к Нэлле. Потом к Эльзе. Последней была Ида. Она смотрела на меня большими серьёзными глазами, но не испугалась. Тонкая рука легла в воду, и голос её прозвучал почти как у взрослой:

— Клянусь.

Я поставила чашу на место. Снаружи, над воротами, купол чуть вспыхнул — принимая их. Теперь они были частью замка.

— Добро пожаловать, — сказала я. — Жерар, покажите им комнаты. И скажите Эсте, что за ужином будет четверо новых ртов.

Маркус поклонился. Нэлла вытерла слёзы. Эльза сжала мою руку — крепко, сухой ладонью. Ида улыбнулась — робко, но искренне.

Они пошли за Жераром, а я осталась у камина. За окном смеркалось, и иней на траве уже не блестел. Но в замке становилось теплее. Не только от огня. От людей. От новых лиц. От жизни.

Зима не была страшна. У нас были дрова, еда, крыша, защита — и теперь ещё больше рук, готовых работать. И я почувствовала, что даже при свете догорающего дня в этом старом замке есть надежда. Не на чудо. На то, что мы строим сами.

Глава 4

Первые дни новичков в замке прошли в тихой, деловитой суете. Им выделили три смежные комнаты в коридоре прислуги — те самые, что Улья и Ив утеплили войлоком на прошлой неделе. Стены были сухими, кровати — застелены свежим бельём, на окнах — плотные занавески, а у дверей — половики, которые сплела Эмили ещё летом. Маркус, Нэлла и Эльза с Идой внесли свой нехитрый скарб — узелки с одеждой, деревянную шкатулку, старую лютню, которую Ида бережно прижимала к груди, — и начали обживать.

Маркус с самого утра отправился на поиски Остина. Он нашёл его в конюшне — тот как раз менял подстилку в стойлах и проверял, не прогнулась ли крыша после дождей. Маркус подошёл, молча встал рядом, глядя, как Остин орудует вилами. Остин не обернулся, но спросил:

— Руки есть?

— Есть, — ответил Маркус.

— Бери вторые вилы, в углу. Навоз — в телегу за дверь. Потом отвезём на огород, до весны перегниёт.

Маркус взял инструмент и принялся за работу. Вдвоём они справились быстрее, чем Остин один, и к полудню в конюшне пахло свежей соломой и чистотой.

— Ты кто по ремеслу? — спросил Остин, когда они закончили и сели на завалинке передохнуть.

— Плотник, — сказал Маркус. — И крыши крыть умею, и мебель сбить могу. Если что сломается — починю.

Остин усмехнулся, глядя на его руки.

— По рукам видно. Тогда, может, завтра глянешь лестницу в южном крыле — там перила ходуном ходят, Жерар боится, что кто-то свалится.

— Гляну, — кивнул Маркус.

На кухне Нэлла и Эльза пришлось ко двору сразу. Эста, ворчливая, но добрая, встретила их вопросом:

— Готовить умеете?

— Умеем, — ответила Нэлла. — Мы в трактире работали, я поварёнком, свекровь — заведующей. — Она говорила тихо, но твёрдо, и в голосе её чувствовалась уверенность.

Эста окинула их взглядом, заметила сухие руки, чистые передники, которые они привезли с собой, и хмыкнула.

— Тогда идите сюда, картошку чистить. Улья, отдай им ножи.

Эльза, которая до этого почти не разговаривала, вдруг оживилась, когда увидела, как Улья разбирает травы на сушку.

— А это я могу, — сказала она, присаживаясь рядом. — Я всегда зимой сушила мяту и зверобой. Покажи, что у тебя есть

Улья улыбнулась и подвинула корзину с чабрецом.

— Вот, разбирай. И расскажешь, что в других краях растёт

За вечер Эльза перебрала половину запасов, раскладывая травы по мешочкам с такими ловкими движениями, что Ив, которая обычно за этим следила, только покачала головой с уважением.

— Настоящая мастерица, — прошептала она Мире.

Мира, сидевшая у окна с починкой сбри, коротко усмехнулась:

— Быстро они осваиваются. Хорошо.

Девочку сначала никто не знал, куда пристроить. Она сидела в углу кухни, спрятавшись за спину матери, и тихо рассматривала замок большими, серьёзными глазами. Эста посмотрела на неё, потом на меня.

— Госпожа, может, её к Лидии? Та говорит, ей помощница нужна для бумаг.

Лидия, которая как раз зашла за чаем, услышала это и оглянулась на Иду.

— Ты умеешь читать? — спросила она.

— Да, госпожа, — тихо ответила Ида. — И писать умею. И считать.

Лидия подошла ближе, присела на корточки перед девочкой.

— Тогда сможешь мне переписывать рецепты Эсты. Ей нужно, чтобы всё было записано красиво и понятно. Справишься?

Ида кивнула, и впервые на её лице появилась робкая улыбка. Лидия взяла её за руку и увела в малую гостиную, где на столе уже лежали листы бумаги и чернила. Через час, когда я заглянула, Ида сидела с прямой спиной и аккуратно выводила буквы, а Лидия диктовала ей текст с заметок Эсты. Девочка так старалась, что кончик языка высунулся наружу — я едва сдержала улыбку.

— Молодец, — сказала я ей. — У тебя красивый почерк.

Ида покраснела, но не сбилась и продолжала писать.

К ужину все собирались в большой кухне. Эста накрыла стол, поставила горячую похлёбку, кашу, хлеб, компот из сушёных яблок — простой, но сытный ужин. Новые и старые слуги сидели вперемешку: Маркус с Остином, Нэлла с Эстой, Эльза с Ульей и Ив, Ида — между Лидией и Ликой. Говорили о погоде, о скотине, о том, как идёт зима.

— А завтра, — сказал Остин, — Маркус будет смотреть лестницу.

— Да, надо, — ответил Маркус. — Я прикинул уже, на что доски пойдут.

— Я завтра пирог с яблоками испеку, — сказала Эльза вдруг. — Если тесто поднимется к утру.

Эста удивлённо подняла бровь.

— С яблоками? А ты умеешь?

— Умею, — улыбнулась Эльза. — В трактире я за пироги отвечала.

— Тогда жду, — сказала Эста, и в голосе её не было ворчания, а было почти уважение.

Я сидела в углу, смотрела на них и чувствовала, как в груди разливается тихое, ровное тепло. Замок наполнялся. Люди, которые ещё неделю назад были чужими, сейчас сидели за одним столом, и их голоса смешивались в общий, живой гул.

В комнатах новичков горели свечи. Маркус чинил шаткую ножку стула, который нашёл в чулане, и напевал что-то тихое. Нэлла разбирала сундук с бельём, которое выделила Эмили. Эльза штопала рубашку Иды при свете свечи. Ида сидела на кровати, перечитывая только что переписанный рецепт, и уже не выглядела испуганной.

Я прошла по коридору, глядя на свет в щелях дверей, и поняла, что теперь здесь, под этим куполом, живёт ещё одна маленькая семья. И, может быть, не последняя.

Глава 5

Утро было морозным, но солнечным — редкое сочетание для поздней осени. Я стояла у окна в малой гостиной, перебирая в уме список дел, когда магия замка дала лёгкий толчок в груди — кто-то приближался. Я выглянула во двор. У ворот, прямо перед куполом, воздух сложился в мерцающий овал портала. Я нахмурилась — в этот час я никого не ждала.

Из портала шагнул молодой человек. Высокий, с тщательно уложенными тёмными волосами, в дорогом камзоле из тёмно-синего бархата, отороченном серебряным кружевом. На поясе — тонкая шпага с инкрустированной рукоятью, на сапогах — золотые шпоры, которые звенели при каждом шаге. Портал за ним схлопнулся, и незнакомец остался стоять перед закрытыми воротами, оглядывая двор с выражением лёгкого, плохо скрываемого пренебрежения.

Я вышла на крыльцо. За мной, неслышно ступая, появилась Лидия.

— Доброе утро, — сказала я, остановившись на верхней ступени. — Вы, должно быть, ко мне?

Он чуть склонил голову — не настолько, чтобы это можно было назвать поклоном.

— Барон Эдгар дю Валь. Я слышал, что вы ищете мужа. И решил не откладывать знакомство. Но ваша магия — он обвёл взглядом купол, — она довольно негостеприимна.

— Защита, — ответила я спокойно. — Я могу вас пропустить, если вы скажете, зачем пришли.

Я чувствовала, как замок ждёт моего решения — купол мягко мерцал, не пропуская гостя. Я могла открыть ворота в любой момент, но мне было важно услышать его ответ.

— Я пришёл сделать вам предложение, — сказал он с лёгкой усмешкой. — Но, возможно, сначала стоит войти и всё обсудить в тепле?

Я помедлила, но кивнула. Внутренним усилием я дала замку разрешение — ворота медленно распахнулись. Барон дю Валь ступил на двор, и я заметила, как его взгляд скользнул по выщербленной мостовой, по старой конюшне, по крыше, которую недавно чинили.

Он прошёл в холл, и там его лицо приняло то же выражение — лёгкого презрения, смешанного с любопытством. Осмотрел гобелены, камин, потрескавшуюся штукатурку у лестницы. Я стояла у входа, наблюдая.

— Мило, — сказал он с лёгкой насмешкой. — Очень по-деревенски. Впрочем, у нас в столице любят такие истории — про заброшенные замки и молодых наследниц.

Я не позволила своему голосу дрогнуть.

— Вы хотели что-то обсудить, господин дю Валь? Или просто посмотреть на мою «деревенщину»?

Он повернулся, и на его лице появилась нарочито любезная улыбка.

— Я пришёл, чтобы сделать вам предложение. Вы, как я слышал, ищете мужа. Я — барон, из хорошего рода, с состоянием. Мы могли бы заключить союз. Я бы взял на себя управление замком и делами, а вы могли бы, скажем, переехать в столицу — там больше достойной жизни для такой молодой леди.

Он говорил так, будто оказывал мне величайшую милость. Я стояла молча, глядя на него. За его спиной Лидия затаила дыхание. Где-то на кухне звякнула посуда — и сразу стихла.

— Благодарю за предложение, — сказала я наконец. — Но я не ищу управляющего. Я ищу мужа — союзника, а не того, кто будет считать этот замок обузой. И, судя по вашему тону, вы не подходите.

Барон дю Валь на мгновение потерял свою надменную улыбку. Его брови поползли вверх.

— Вы отказываетесь? — удивление в его голосе было почти искренним. — Госпожа Кра-това, вы осознаёте, что я предлагаю вам? Защиту, статус, связи при дворе. Ваш замок — про-сто груда камней в болоте. Я даю вам шанс подняться.

— Я не нуждаюсь в том, чтобы меня «поднимали», — ответила я тихо, но твёрдо. — У меня есть всё, что мне нужно. И я не буду выходить замуж за человека, который смотрит на мой дом с презрением.

Он выпрямился. Краска негодования залила его скулы, но он сдержался — видимо, вос-питание позволяло не опускаться до крика.

— Вы совершаете ошибку, госпожа, — сказал он, холодно. — Император дал вам срок. Когда он истечёт, я не буду первым, кто окажется у ваших дверей. Но я буду тем, кто скажет «я же предупреждал».

— Спасибо за заботу, — ответила я. — Лидия, проводите господина дю Валя до ворот.

Лидия выскользнула из тени и подошла к гостю с вежливой улыбкой.

— Прошу вас, господин барон.

Он бросил на меня последний взгляд — надменный, оскорблённый. Потом развернулся и вышел, гремя шпорами. Лидия проводила его до порталных ворот, и через минуту воздух снова дрогнул — он ушёл.

Я осталась одна в холле. Отпустила пальцы, разжала кулак, в котором держала край бумаги. На ладони осталась красная полоска.

Лидия вернулась, тихо закрыла за собой дверь.

— Первый жених, — сказала она.

— Первый, — кивнула я. — И, надеюсь, не последний. Но теперь я знаю, как отвечать.

Мы постояли молча. Где-то наверху Мира запела тихую песню, и я улыбнулась сквозь усталость. Замок оставался моим. И я не собиралась отдавать его тому, кто не умел ценить старые камни и живые сердца.

Глава 6

Мы сидели в северо-западной башне, в том самом круглом зале, где когда-то нашли платье. Теперь здесь было светло — Лидия настояла на том, чтобы принести сюда две масляные лампы и поставить их на высокие подставки. Свет ложился мягко, золотисто, делая стены тёплыми, а книги — почти живыми. Мы разбирали стопки фолиантов, которые уже перенесли в библиотеку, и прикидывали, что ещё стоит взять. Я сидела на корточках у стеллажа, перебирая корешки, Лидия в своём зелёном бархатном платье — теперь она носила его почти каждый день — стояла с другой стороны, держа в руках очередной том.

— Может, это? — спросила она, протягивая мне книгу в тёмно-красном переплёте, без названия на корешке.

Я взяла, открыла. Внутри — трактат о северных травах, написанный мелким, убористым почерком. Полезно, но не сейчас.

— Отложим, — сказала я. — На весну, когда будем огород сажать.

Она кивнула и поставила книгу на стопку «отложить». Потом обошла стеллаж, заглянула в угол, где лежали небольшие томики, перевязанные шнурками, явно не из основной библиотеки.

— Ой, — сказала она вдруг.

— Что?

— Смотри.

Она вытащила из стопки толстую книгу в потёртой кожаной обложке, с медными уголками. Обложка была украшена тиснёными символами — круги, полумесяцы, звёзды, какие-то переплетённые линии. Я подошла ближе, заглянула через плечо. На первой странице крупным шрифтом было выведено: «Полный сборник гаданий. Для тех, кто ищет ответы в судьбе».

Я нахмурилась.

— Гадания можно, — сказала Лидия, поглаживая обложку.

— Какие гадания? — удивилась я. — Отец не понимал гаданий. На Земле он недовольно хмурился, когда я предлагала сходить к ясновидящим, гадалкам и прочим знахаркам. Он говорил: «Все они обманщики и шарлатаны. А гадания подходят только для пятилетних детей. Ты же взрослая девушка, Мэри!» — я невольно передразнила его голос, и Лидия усмехнулась. — И потому здесь и сейчас я удивилась, едва ты назвала книгу. С чего ты решила, что там гадания?

— Ты посмотри на обложку, — ответила Лидия, переворачивая книгу ко мне. — Луна, звёзды, линии. И название, — она открыла первую страницу, где под заголовком был подзаголовок: «Способы предсказания судьбы. Вода, воск, зеркала, тени».

Я взяла книгу, перелистала несколько страниц. Текст был старым, с вензелями и витиеватыми буквами, но разборчивым. Рецепты, инструкции, толкования — всё выглядело серьёзно, не по-детски.

— И ты хочешь погадать? — спросила я.

Лидия замаялась, но потом кивнула. В свете ламп я видела, что её глаза блестят, и она переминается с ноги на ногу, как девочка перед праздником.

— Я никогда не гадала, — сказала она тихо. — Мать считала это ниже нашего достоинства. А отец просто не разрешал. Но здесь мы одни. И мне очень интересно, что там написано про судьбу. Про брак. Про детей.

Я почувствовала, как во мне просыпается то же самое — детское, запретное, любопытное. Может быть, из-за уютного света, может быть, из-за усталости от серьёзных книг, но я вдруг сказала:

— Давай попробуем. Только без колдовства, я хочу понять, как это работает.

Лидия так обрадовалась, что я почти испугалась — она схватила книгу и уселась прямо на пол, у стены, под светом лампы, и начала листать страницы, бормоча про себя.

— Нам нужна вода, — сказала она через минуту. — Чистая вода, лучше родниковая. И свечи. Много свечей.

Я спустилась на кухню, взяла кувшин с водой из колодца, миску, прихватила связку свечей и пошла обратно. Эста, увидев меня, проводила взглядом, но ничего не спросила, только хмыкнула.

В башне мы расстелили на полу шерстяной плед, чтобы не сидеть на камне, поставили в центр большую миску, наполнили её водой, и зажгли свечи вокруг — целых двенадцать, как было написано в книге. Свет отражался в воде, и по стенам побежали дрожащие блики.

— Гадание по воде, — прочитала Лидия вслух, — требует сосредоточенности. Смотри на своё отражение, не отрываясь. И мысленно задай вопрос. Когда отражение начнёт расплываться, приглядишься — что проявится. А потом мы сравним со списком толкований.

Я села напротив неё, на колени. Тёплый свет, тишина, только свечи потрескивают. Сначала было немного неловко — сидеть так, смотреть на себя в миску с водой. Я ждала, что ничего не произойдёт, что это просто детская забава. Но вода была тёмной, в ней колыхались отражения свечей, и моё лицо — бледное, с распущенными волосами — выглядело чужим. Я смотрела в свои глаза и думала: «Что меня ждёт? Кто будет моим мужем? Будет ли у меня семья?»

Прошла минута, другая. Мне показалось, что отражение начало плыть — или это дрожали свечи. Потом вода успокоилась, и я ясно увидела: силуэт мужчины, высокого, в плаще, и рядом — маленькие фигурки, две, а может, три. Я моргнула — картинка исчезла, осталась только рябь.

— Что увидела? — прошептала Лидия.

Я перевела дух. В горле пересохло.

— Мужчину. И детей. Двоих, кажется.

Лидия вскочила, схватила книгу, перелистала до нужной страницы.

— Дети — это к счастью. А мужчина — она водила пальцем по строкам, — если силуэт ясный, без размытых краёв — брак будет счастливым и богатым. — Она подняла глаза, и в них горел неподдельный восторг. — Вам выпало счастье, госпожа!

Я сидела, ошеломлённая. Я не верила в гадания — отец говорил, что всё это обман. Но сейчас я сама видела. Может быть, мне показалось? А может быть, я просто устала и хочу верить.

— Теперь твоя очередь, — сказала я, поднимаясь и уступая место у миски.

Лидия села. Её лицо было бледным, руки чуть дрожали. Она опустила взгляд в воду, и я видела, как она сосредоточилась — даже дышать стала реже. Свечи горели ровно. Она смотрела долго, дольше меня. Я уже начала беспокоиться, не ушла ли она в себя, когда она вздрогнула, и по воде пробежала рябь — такая же, как у меня. Она резко отодвинулась.

— Я увидела, — сказала она хрипловато. — Мужчина. Богато одетый, с тёмными волосами. И дети — трое. И он держит меня за руку.

Я протянула ей книгу. Она нашла ту же страницу и, запинаясь, прочитала вслух:

— «Если отражение мужчины улыбается и тянет руку — к долгой любви. Дети ясные, не размытые — к здоровью и радости. Брак будет обеспеченным».

Она захлопнула книгу и подняла на меня глаза. Слезы стояли у неё на ресницах, но она улыбалась — той улыбкой, которую я уже видела в день, когда подарила ей платье. Только теперь она была глубже, взрослее.

— Это же просто игра, — сказала я, но голос прозвучал неуверенно. — Я не верю в гадания.

— Я тоже не верила, — ответила Лидия. — Но сейчас сейчас я увидела своё будущее. Может быть, это просто вода и свет. А может быть, книга старая, и в ней есть настоящая магия.

Мы сидели на полу, среди свечей, в башне, где пахло воском и старой бумагой, и молчали. В моей голове крутились слова отца — «взрослая девушка», «шарлатаны». Но сердце билось чаще, и я чувствовала тепло, которое не шло от ламп. Какая-то надежда, лёгкая, как свет.

— Я, наверное, выйду замуж не за первого встречного, — сказала я вдруг. — А за кого-то, кто будет держать меня за руку. Как в твоём отражении.

Лидия кивнула, вытирая слёзы.

— И я тоже, — сказала она.

Мы долго сидели у воды, уже не глядя в неё, а просто глядя друг на друга. А потом я встала, протянула руку и помогла Лидии подняться.

— Пойдём вниз, — сказала я. — Эста, наверное, ужин зовёт.

— Пойдём, — согласилась она.

Мы задули свечи. Я взяла книгу с собой — не для того, чтобы спрятать, а чтобы перечитать у себ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.